

ИСТОРИИ

Во главе стола Умер Александр Тимофеевский — создатель языка новой российской прессы. Юрий Сапрыкин пытается осмыслить эту утрату

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

В возрасте 61 года умер публицист и кинокритик Александр Тимофеевский. В 1990-х он был одним из разработчиков концепции «Коммерсанта» как «респектабельной буржуазной газеты», позже участвовал в создании газет «Консерватор» и «Русский телеграф», в конце нулевых был шеф-редактором журнала «Русская жизнь». Тимофеевский писал критические статьи и эссе, публиковался в журналах «Искусство кино», «Столица», «Сноб» и российском Playboy, газете «Известия». Сообщается, что за несколько дней до смерти Тимофеевский искал кардиолога. «Медуза» попросила руководителя проекта «Полка» Юрия Сапрыкина рассказать о том, чем обязана Тимофеевскому русская культурная жизнь последних 30 лет.

Ушел Александр Тимофеевский, и ощущение масштаба этой потери несопоставимо ни с какими перечнями заслуг и послужными списками. Элементарная вежливость в отношениях с читателем требует в двух словах объяснить, о ком речь, предъявить краткое резюме, а лучше визитку — и что в ней могло бы быть? Публицист? Кинокритик? Создатель языка и стиля новой российской прессы? Все верно и вместе с тем — слишком мелко и совсем не то.

Его кинокритические работы, стилеобразующая роль в раннем «Коммерсанте», руководство журналом «Русская жизнь», не говоря о сложно постижимом консультировании кого-то или участии в подготовке чьих-то публичных выступлений — все это остается немного за ширмой, в области мифов, окружающих медиа и политику уже уходящей эпохи. Его настоящее, осязаемое, так важное для многих присутствие к этому не сводилось — и даже не определялось этим. Это присутствие того рода, что не оставляет после себя вещественных доказательств; страшно подумать, но кажется, в публичном доступе нет ни одного видеоролика, где был бы виден Тимофеевский, каким его знали и будут помнить. На ютьюбе наспех удалось найти только интервью 1991 года в программе «Момент истины», где А.Т. присутствует на правах сотрудника журнала «Столица», на пару с главредом Андреем Мальгиным — и пилотный выпуск записанной через зум программы «На троих», вместе с Татьяной Толстой и журналисткой Ксенией Буржской — он вышел за два дня до смерти.

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по [этой ссылке](#).

(<https://www.youtube.com/watch?v=...>)

Его все знали, и все, кто его знал, испытали на себе его влияние. Это чрезмерно обобщающее «все» имеет в виду, прежде всего, мир столичной культуры и медиа последних лет 30 — к которому легко прилепить пренебрежительный ярлык «тусовочка». Фокус в том, что одним из главных талантов А.Т. было умение избегать всего тусовочного и партийного, размыкать его границы.

Его вряд ли можно назвать центром или главой какого-либо «культурного сообщества» — скорее, универсальным коммуникатором, передаточным звеном, соединяющим самые далекие, несводимые его части. Круг его общения оказывался таким, что у одних его сегментов всегда был повод призвать его к ответу — как можно сидеть за одним столом с другими? А стол, буквальный или метафорический, был важен: кажется, А.Т. всегда сидел во главе стола, даже если этот стол был кругл, даже если стола вовсе не было.

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по [этой ссылке](https://www.youtube.com/watch?v=l...).

(<https://www.youtube.com/watch?v=l...>)

За столом (даже если его не было), как в платоновских диалогах, шел пир, а вместе с ним разговор. Этот разговор мог проявиться в форме застольной беседы или ежедневной газеты; кажется, и застолье, и медиа для А.Т. были вещами одного порядка, чем-то вроде ритуала.

упорядочивающего и проясняющего жизнь. Созданные им редакции не пытались «ответить на запрос целевой аудитории» — но давали авторам возможность расставить правильные слова в идеальном порядке; они реагировали на сиюминутное, но смотрели как бы поверх него.

В 2000-е было много изданий более успешных и влиятельных, но перечитывать с течением лет хочется именно «Русскую жизнь» с ее невозможным по нынешним временам смешением авторских имен — от Ольшанского до Долецкой, от Прилепина до Семеляка. Умение связать всех со всеми, дать каждому сыграть свойственную ему партию — очевидный редакторский талант, но А.Т. был редактором еще и в более фундаментальном смысле: он объяснял тебе что-то, чего ты сам про себя не понимаешь. Выделял главное, отсекал лишнее. Твои тексты, твои проекты, ты сам как будто начинали существовать в совсем ином пространстве — где правят не дедлайн и производственная необходимость, а любовь и сострадание, где написанный по случаю текст подчиняется тем же законам, что хорошо сложенное стихотворение или великодушный поступок.

Тимофеевскому была не свойственна вечная русская «тоска по мировой культуре»: занимаясь самыми приземленными житейскими или редакционными делами, он жил внутри нее, в мире, существующем

поверх барьеров, где все говорит со всем — росписи Сикстинской капеллы и скульптуры Церетели, фильм Висконти и фильм Балагова, «Анна Каренина» и уместно рассказанный анекдот. Этот мир отбрасывал отсвет на все вокруг, им в присутствии А.Т. было окрашено все возвышенное и комичное, бытовое и светское. Пожалуй, никто не напишет об этом лучше, чем Максим Семеляк в старом тексте для Openspace

Чем бы ни занимался А.Т. — это и было культурой в собственном смысле слова: возделыванием почвы, которая даст добрые всходы, рождением мысли, которая объяснила бы запутавшийся мир, разумным обустройством обыденности, пробуждением добрых чувств, сострадания и милости. И это, наверное, главное, что было в А.Т., помимо и превыше всех заслуг и достижений — доброе сердце, которое вчера перестало биться и о котором будет помнить каждый, кто знал его.

**Книги Александра Тимофеевского: Весна
средневековья и Книжка-подушка**

Юрий Сапрыкин

